

Е. Ю. ПЕРФЕЦКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ЛЕТОПИСАНИЯ

Е. Ю. Перфецкого следует отнести к прямым ученикам и последователям А. А. Шахматова в изучении летописей. Его наиболее известная работа вышла в свет в 1922 г.,¹ т. е. тогда, когда М. Д. Приселков, которого обычно считают первым прямым продолжателем А. А. Шахматова в исследовании летописей послекиевского времени, еще только начинал заниматься летописями, оставив, в силу идеологической невозможности продолжать, тему церковной истории Древней Руси. Между тем ни сам М. Д. Приселков, ни Я. С. Лурье не только не включали Е. Ю. Перфецкого в число ученых шахматовской школы, но и не ссылались на его работы, хотя эти работы напрямую касались сюжетов, которые разрабатывали они сами, особенно М. Д. Приселков. Причину долгого упоминания работ Е. Ю. Перфецкого в советское время можно отчасти видеть в его эмигрантской биографии. Кроме того, о Е. Ю. Перфецком писали В. И. Буганов и В. Т. Пашуто.²

Евгений Юлианович Перфецкий, доцент Киевского университета, в 1921 г. эмигрировал в Чехословакию. Там он короткое время преподавал в Карловом университете в Праге, а затем переехал в Братиславу и много лет, вплоть до своей кончины в 1947 г., преподавал в университете Яна Коменского. Первые работы Е. Ю. Перфецкого, написанные еще в России, были посвящены истории Карпатской Руси. Эта тема оставалась для него одной из главных и впоследствии.³ Когда в Братиславе вышла книга Е. Ю. Перфецкого о летописях, то современниками она сразу была оценена как труд, продолжающий шахматовскую традицию.

¹ *Перфецкий Е. Ю.* Русские летописные своды и их взаимоотношения. Братислава, 1922; *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992. С. 18 и др.; *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. М., 1975.

² *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 18 и др.; *Буганов В. И.* Отечественная историография русского летописания. С. 64, 70–79.

³ Список трудов Перфецкого приведен в книге В. Т. Пашуто. Правда, там учтены только работы начиная с 1922 г. См.: *Пашуто В. Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. С. 155.

Так, А. Брюкнер через три года после выхода работы Е. Ю. Перфецкого писал о том, что автор «исходил из него как из основы и строил на нем далее свое исследование таких же сводов 12 и 13 века» («wychodzi od niego (творчества Шахматова. — В. В.) jako od podstawowego i buduje na nim dalsze badania nad takimiż zwodami 12 i 13 wieku...»)⁴ Позднее Е. Ю. Перфецкого причисляли к прямым последователям А. А. Шахматова также В. Т. Пашуто, А. Г. Кузьмин и В. И. Буганов. Последний, как было упомянуто, изложил содержание книги Е. Ю. Перфецкого 1922 г. в своей монографии по историографии русского летописания.

В Архиве философского факультета университета Коменского в Братиславе сохранился рукописный отзыв о творчестве Е. Ю. Перфецкого его коллеги и собрата по эмиграции А. А. Кизеветтера.⁵ Отзыв был затребован и написан в 1925 г. для университетского начальства. А. А. Кизеветтер пишет, главным образом, о книге Е. Ю. Перфецкого 1922 г. Интересно, что с самого начала он отметил следующее: «Эта работа Е. Перфецкого непосредственно примыкает к тем крупным открытиям, которые были произведены в области изучения древнерусского летописания блестящими исследованиями академика Шахматова». Далее автор отзыва дает краткую характеристику трудов А. А. Шахматова: «Шахматов был человеком творческого ума, он был блестящим изобретателем остроумных гипотез». И именно это, по мнению А. А. Кизеветтера, позволило ему установить новые приемы анализа и, применив их, прийти к выводам, «о которых и не догадывались предшествующие исследователи». И «хотя нельзя сказать, чтобы все положения Шахматова были бесповоротно убедительны», но метод оказался очень плодотворным. А. А. Кизеветтер, как и сам Е. Ю. Перфецкий, не знал большой и тогда еще не опубликованной работы А. А. Шахматова о поздних сводах и полагал, что тот сосредоточил главное внимание на раннем летописании, что в принципе соответствует действительности. О позднем летописании, по словам А. А. Кизеветтера, А. А. Шахматов «бросил <...> несколько важных идей, но разработку этих идей в отношении к более позднему летописанию он оставил на долю своих последователей», т. е. в данном случае Е. Ю. Перфецкого. Последний, «пойдя по стопам Шахматова», применил «идеи и приемы своего учителя к изучению русского летописания XII и XIII столетий», идя «по путям, уже намеченным и проторенным Шахматовым». Но заслуга Е. Ю. Перфецкого состояла, по мнению А. А. Кизеветтера, в том, что он применил это к изучению тех летописей, которыми А. А. Шахматов детально не занимался. При этом он обнаружил хорошее «умение <...> анализировать» летописные тексты, которые хорошо знал, и «довольно хорошую комбинационную способность, позволяющую ему придать интересное дальнейшее развитие мыслям, брошенным в общей, предварительной

⁴ *Brückner A. Rozdział z «Nestora» // Записки наукового товариства імені Шевченка. У Львові, 1925. Т. 141–142. С.1–15.*

⁵ *Archiv FIF UK. E. Perfeckij / Věci osobní.*

форме Шахматовым по отношению к летописанию XII–XIII веков». К таким положениям Е. Ю. Перфецкого Кизеветтер отнес идею о восхождении летописных сводов XV в. к Владимирскому Полихрону и о существовании двух линий летописания, идущих от свода 1189 г. и свода 1193 г., а также реконструкцию состава этих гипотетических сводов. Особо был отмечен А. А. Кизеветтером «интересный этюд о составе Новгородской I летописи, открывая в ней соединение двух летописей: новгородской владычной летописи и новгородской княжой летописи». Как видим, А. А. Кизеветтер глубоко вник в суть книги Е. Ю. Перфецкого. Он отметил, что «все эти выводы и положения носят, конечно, гипотетический характер» и «не исключают возможности иных построений», но они представляют собой «интересную и полезную гипотезу, дающую в руки исследователей нить, с помощью которой можно удобно разбираться как в изучении летописания XII столетия, так и в изучении позднейших летописных сводов XIV–XVII вв.».

Оценивая Е. Ю. Перфецкого как ученого, А. А. Кизеветтер в заключении написал, что тот «не принадлежит к числу открывателей новых путей в области исторического изучения», но «светит отраженным светом, заимствованным от других перворазрядных научных светил». Здесь речь идет, конечно, о А. А. Шахматове, и таким образом, что заставляет вспомнить отзыв А. Брюкнера. Характеристика кажется немного уничижительной, но ее можно понять в свете несколько едкого замечания А. А. Кизеветтера об изобретении А. А. Шахматовым «остроумных гипотез». Кстати, следует отметить, что и в самом начале отзыва А. А. Кизеветтер не выделяет А. А. Шахматова как несопоставимую с другими величину в изучении летописей (что делали часто ученики последнего), а ставит в один ряд после «Срезневского, Костомарова, Бестужева-Рюмина и других ученых». Возможно, что слишком явное следование Е. Ю. Перфецкого А. А. Шахматову заставило А. А. Кизеветтера дать ему такую оценку. Но, в конце концов, он не мог не признать, что Е. Ю. Перфецкий «прошел хорошую школу, сумел взять из этой школы то лучшее, что она могла дать, и обнаружил несомненные научные способности в тех частных изысканиях, которые он применяет в духе своего учителя к новому материалу». Е. Ю. Перфецкий — «полезный работник», вот — главная идея отзыва.

Во введении к книге сам Е. Ю. Перфецкий прямо объявил себя продолжателем А. А. Шахматова. По его мнению, после работ последнего «древнейшая часть нашей летописи <...> в главнейших своих чертах <...> и вопросы, связанные с нею, вполне выяснились». Главная заслуга А. А. Шахматова заключалась в выявлении в Новгородской I летописи более древнего текста — Начального свода.⁶ Другие проблемы заключаются в том, что осталось не выясненным до конца отношение Начального свода и «Повести временных лет».⁷ «В то время, когда был поло-

⁶ Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды... С. 93–94.

⁷ Там же. С. 97.

жен такой усиленный труд ряда ученых для исследования древнейшего летописания, русское летописание последующего (за Повестью временных лет) времени — сравнительно очень мало разобрано и изучено».⁸ И именно в заполнении этой лакуны видел Е. Ю. Перфецкий смысл своей работы. Это было справедливо для 1922 г. оценка. Ведь тогда не было еще не только работ по общерусскому летописанию М. Д. Приселкова (и тем более А. Н. Насонова и Я. С. Лурье), но и не была, как уже сказано, опубликована вторая из двух главных работ А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.», вышедшая из печати лишь в 1938 г. Е. Ю. Перфецкий объяснил суть своего метода. Он не противоречил методу, применяемому А. А. Шахматовым, так как делал выводы «на основании данных, полученных <...> путем сравнения различных летописных сводов, дошедших до нашего времени, — и на основании внутреннего толкования смысла летописи...».⁹ Последний подход был характерен для А. А. Шахматова. Следует, однако, отметить, что понятие «свод» Е. Ю. Перфецкий тут употребляет не в шахматовском понимании, а скорее в строевском, т. е. называет «сводами» реальные тексты, а не их гипотетические протографы.

Итак, главной темой книги Е. Ю. Перфецкого являлось летописание после «Повести временных лет». В этом сразу видно сходство с М. Д. Приселковым, который также обратился в это время к летописанию того же периода. Но если М. Д. Приселков в работах 20-х гг. сосредоточил внимание на владимирских и общерусских сводах,¹⁰ то Е. Ю. Перфецкий взял более широкую тему и включил в орбиту своего внимания больший объем летописных текстов. В том числе он обратил внимание на новгородское летописание XII–XIII вв., совершенно не затронутое Приселковым.

Основная идея, на которой базируются все дальнейшие разыскания Е. Ю. Перфецкого, — возникновение в XII в. двух крупных летописных ветвей: южной (Ипатьевская, Хлебниковская и др.) и северной (Лаврентьевская, Радзивилловская, Троицкая, Летописец Переяславля-Суздальского и др.). Эта идея, несомненно, сама по себе идет от А. А. Шахматова. Вслед за А. А. Шахматовым Е. Ю. Перфецкий выделяет также отдельную группу текстов, восходящих к древнейшему общерусскому своду — Владимирскому Полихрону и поэтому соединяющих в себе южный и северный материал. Он называет эту группу текстов «группой Полихрона». В нее Е. Ю. Перфецким включались Тверская, Львовская, Воскресенская, Никоновская, Новгородская IV, Софийская I летописи (далее — Тв., Льв., Воскр., Ник., НIV, СI) и летописный текст, исполь-

⁸ Там же. С. 95.

⁹ Там же. С. 96.

¹⁰ См.: *Вовина-Лебедева В. Г. Судьбы больших школ в XX веке: М. Д. Приселков // Историческое сознание и власть в зеркале России двадцатого века: научные доклады.* СПб.: «Нестор», 2006.

зованный в хронике Яна Длугоша. По его мнению, протографы текстов «группы Полихрона» хотя и были созданы позднее протографа Лаврентьевской (далее — Лавр.) и сходных летописей, но сохранили более древние черты и «восходили к более старшей редакции».¹¹ Поэтому именно эти тексты широко использовались Е. Ю. Перфецким для реконструкции летописания XII в.

Эта мысль нуждается в пояснении. Как мы знаем, в схеме А. А. Шахматова фигурировали два свода, которые он называл Полихронами. Первым был Владимирский Полихрон начала XIV в., который А. А. Шахматов видел в числе источников Лавр., Ипат. и НЛ.¹² Существование этого Полихрона было впоследствии поставлено под сомнение М. Д. Приселковым. Другой Полихрон, по А. А. Шахматову — общерусский свод первой половины XV в. (1423 г.) — источник русских статей Хронографа, СІ–НІV (Свода 1448 г.), Ростовского владычного свода. Этот Полихрон как звено схемы А. А. Шахматова был позднее аргументированно исключен из нее Я. С. Лурье. У Е. Ю. Перфецкого речь идет как будто о втором Полихроне по терминологии А. А. Шахматова. Это понятно, так как гипотезу о первом Полихроне А. А. Шахматов подробнее всего изложил в «Обзрении...», которое было напечатано уже после рассматриваемой работы Е. Ю. Перфецкого. Но о Полихроне 1423 г. А. А. Шахматов писал в трудах, опубликованных при жизни и, несомненно, известных Е. Ю. Перфецкому, например в «Разысканиях...».¹³ А. А. Шахматов не возводил прямо к этому Полихрону ни Льв., ни Тв, ни Воскр. и Ник., как это сделал Е. Ю. Перфецкий, а только лишь СІ и НІV. Правда, он действительно видел в протографе этого Полихрона некие более древние черты, чем в протографе Лавр, но лишь тогда, когда это касалось древнейших новгородских известий, а не древнейших владимирских.¹⁴

Поэтому при более детальном рассмотрении оказывается, что Перфецкий существенно изменил гипотезу А. А. Шахматова о Владимирском Полихроне. Выделение СІ, НІV, Тв., Льв., Воскр. и Ник. в особую «группу Полихрона» как восходящих к более древней основе, чем Лаврентьевская, Радзивилловская и другие, а потому и использование этих текстов для реконструкции летописания XII–XIV вв. — главное отличие схемы Перфецкого от схем Шахматова и Приселкова. Но при этом в самом своем методе Е. Ю. Перфецкий остался всецело последователем А. А. Шахматова, и именно потому, что, сличая между собой реальные летописные тексты, видел в их основании цепь более древних гипотети-

¹¹ Там же. С. 25.

¹² *Шахматов А. А.* Обзорение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.: Л., 1938. С. 13–15, 19, 91, 131 и др.

¹³ *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 197–201, 232 и др. Льв. и Тв. Шахматов возводил к так называемой Ростовской компиляции, и только через нее — к своду 1423 г. В тексте Ник. он видел чтения, восходящие к той же Ростовской компиляции.

¹⁴ Там же. С. 235–245.

ческих протографов. Следование А. А. Шахматову означало у него, таким образом, следование его методу, а не всем выводам А. А. Шахматова.

Анализируя общее и различное в летописях «группы Полихрона», Е. Ю. Перфецкий не давал в тексте книги всего материала текстологических сопоставлений, как не делал этого и сам А. А. Шахматов, ограничиваясь перечнем общих чтений. Однако на некоторых сюжетах он, как и А. А. Шахматов и М. Д. Приселков, останавливался особо. Так, он считал, что в древнем владимирском своде, судя по Лъв., НІV и СІ, сохранился цельный рассказ об ослеплении князей Ростиславичей, уже оборванный в Лавр. и сходных. А. А. Шахматов также обратил внимание на вариант этого текста в Лавр. в сравнении с Радзивилловской (далее — Радз.). Он отметил недоговоренность в Лавр. и сокращенный вариант рассказа в Радз., а также в Летописце Переславля-Суздальского (далее — ЛПС). А. А. Шахматов объяснял это тем, что текст Лавр. древнее текста, лежащего в основании Радз., и что данный рассказ в Лавр. был записан, очевидно, на месте события «когда оно не представлялось еще во всем своем ужасе...».¹⁵ При этом никаких сведений о том, что в более поздних летописях существует и более полный вариант этого рассказа, Шахматов не привел, хотя это, разумеется, было ему известно.

Между тем Е. Ю. Перфецкий, который, как мы предполагаем, не знал текста шахматовского «Обозрения...», а значит, и трактовки А. А. Шахматовым данной статьи, обратил внимание именно на более полный рассказ в других летописях. Тем более, что это подтверждало его гипотезу о большей древности источника летописей «группы Полихрона» по сравнению с Лавр. Впоследствии М. Д. Приселков также обратился к анализу рассказа об ослеплении Ростиславичей. И он также отошел в сторону от шахматовской его трактовки. По мнению М. Д. Приселкова, в Лавр. уже первоначальный текст, содержащий полный рассказ об ослеплении, был сознательно сокращен, чтобы не компрометировать Всеволода Большое Гнездо, который оказался участником злодеяния. И еще большему сокращению эта сцена подверглась в Радз.¹⁶ Я. С. Лурье, комментируя данное место в работе своего учителя М. Д. Приселкова, отметил, что сводчик в Лавр. скрыл факт ослепления, отмеченный НІ и Ипатьевской летописями.¹⁷

Таким образом, там, где А. А. Шахматов увидел в Лавр. древнейший текст, там и Е. Ю. Перфецкий и М. Д. Приселков увидели тенденциозное сокращение. Но дальнейший ход мыслей у них был разным. Для Е. Ю. Перфецкого рассказ Лавр. не представлял интереса, так как он основывался в своих характеристиках летописных сводов XII–XIII вв. на летописях «группы Полихрона». Поэтому он ограничился констатаци-

¹⁵ Шахматов А. А. Обозрение... С. 11.

¹⁶ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. 2-е изд. СПб., 1996. С. 109–110.

¹⁷ Там же. С. 265, примеч. 57.

ей того, что в Лавр. этот рассказ вторичен. М. Д. Приселков подошел к нему с другой стороны. Он вовсе не обратил внимания на те тексты, где рассказ об ослеплении Ростиславичей читается с окончанием. Главным для него было сопоставить рассказ Лавр. с рассказом гипотетического свода 1177 г., где он, по мнению М. Д. Приселкова, должен был быть полным.

Мы остановились подробно на анализе данного летописного рассказа А. А. Шахматовым, М. Д. Приселковым и Е. Ю. Перфецким потому, что он показывает особенности подходов к тексту всех трех исследователей. У А. А. Шахматова анализ реальных текстов и использование реконструкций находились в известном равновесии. Е. Ю. Перфецкий, имея на руках тексты Лавр. и летописей «группы Полихрона», сравнивал их и делал вывод о большей полноте и первичности протографа последних. Т. е. делался акцент на сравнении реальных летописных текстов. Он также исходил при этом из метода А. А. Шахматова: от сравнения реальных летописей идти к построению гипотетических их протографов, которые сравнивались между собой. М. Д. Приселков, в свою очередь, по-другому, но тоже шел от метода А. А. Шахматова. Он лишь делал крен в сторону гипотетического свода, поскольку это вообще было характерным для него, и отбрасывал показания тех летописей, которые использовал Е. Ю. Перфецкий, очевидно, как поздних. У М. Д. Приселкова получилось сравнение не реальных текстов и не их протографов, а наиболее раннего реального текста (Лавр.) с его же гипотетическим протографом — сводом 1177 г., полученным из сравнения Лавр., Радз. и ЛПС. На этом примере видно, что от А. А. Шахматова шли различные линии в исследовании летописей, воплощенные разными его учениками. И нет оснований полагать, что М. Д. Приселков в данном случае явился более последовательным сторонником шахматовского метода, чем Е. Ю. Перфецкий, или же наоборот.¹⁸

¹⁸ Н. И. Милютенко, которая специально исследовала сюжет об ослеплении Ростиславичей, со ссылкой на Приселкова указала, что первоначально во владимиро-суздальском летописании не было полного известия об ослеплении. Очевидно, исследовательница подразумевала Лавр. и Радз., но именно их-то рассказы, по мнению Приселкова, были оборваны, а первоначальный рассказ свода 1177 г. полон и содержал описание ослепления. Таким образом Н. И. Милютенко изложила точку зрения Шахматова на этот сюжет, а не Приселкова. Работу Перфецкого она не использовала. Между тем Милютенко как раз указала, что рассказ об ослеплении в полном виде имеется в НЛ, а подробности также содержатся в Московском своде XV в., куда попали, возможно, из свода 1448 г. (по С1 и НЛ), т. е. привлекла к сравнению более поздние тексты. Конец рассказа Московского свода и является, по ее мнению, первоначальной редакцией этого известия во владимирско-суздальском летописании, так как, как показал А. Н. Насонов, этот свод отразил свод Юрия Всеволодовича первой половины XIII в. Обнаруженный исследовательницей рассказ в сборнике Мгарского монастыря имеет совпадение с рассказом Тверского сборника (Тверской летописи, по Перфецкому). Таким образом, некоторые ее наблюдения переключаются с наблюдениями Перфецкого. См.: *Милютенко Н. И.* Рассказ о прозрении Ростиславичей на Смядыни (к истории смоленской литературы XII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 48. С. 121–128.

Как мы уже отмечали, А. А. Шахматов выделял наиболее ранний владимирский свод — свод 1185 г., а затем его переработку — свод 1193 г. (оба свода выделялись по тексту Лавр.). Затем он видел уже свод 1212 г., отраженный в тексте Радз. и в переработанном виде — в ЛПС. М. Д. Приселков не включал в свою схему свод 1185 г., считая наиболее ранним свод 1177 г., затем свод 1193 г., свод 1212 г. и его переработку свод 1214 г.

Перфецкий предполагал, как и Шахматов, что местное летописание во Владимире возникло в конце 50-х гг. XII в., приблизительно в тот момент, когда Андрей Боголюбский сделал Владимир своей столицей. А. А. Шахматов отмечал, что с 1157 г., когда Андрей Боголюбский вокняжился в Суздальской земле, начинаются в тексте летописи местные известия. Он предположил, что существовал суздальский свод этого времени, хотя и думал, что первые его известия относятся к 70-м гг. XII в.¹⁹ Приселков также писал о владимирских записях времени Юрия Долгорукого, но затем предположил, как и Е. Ю. Перфецкий, что на их основе был составлен владимирский летописец Андрея Боголюбского, повествование которого начиналось с 1158 г.²⁰ По М. Д. Приселкову, этот летописец велся при церкви Владимирской Божьей матери.²¹

Логика рассуждений Е. Ю. Перфецкого по этому вопросу иная, но картина истории владимирского летописания получилась у М. Д. Приселкова похожей на ту, которую нарисовал до него Е. Ю. Перфецкий. По Перфецкому, владимирская летопись Андрея Боголюбского, продолженная после его смерти при церкви Владимирской Божьей матери, также была соединена затем с южным переяславским сводом 1186 г. и дополнительным владими́ро-суздальским материалом (суздальскими летописными записями и Сказанием об убиении Андрея Боголюбского). Так возник свод 1189 г., отразившийся в летописях «группы Полихрона» (по Перфецкому). По Приселкову же, «записи Ростово-Суздальского края времени Юрия Долгорукого» были соединены с владимирским летописцем времени Андрея Боголюбского и повествованием о его смерти и борьбе за его наследство, а также — с переяславским летописным материалом в своде 1177 г., отразившимся в Лавр.²²

Еще одна линия, в которой перекликаются Е. Ю. Перфецкий и М. Д. Приселков, — анализ переяславских известий во владимирском летописании. Оба исследователя отталкивались от наблюдений А. А. Шахматова (хотя Е. Ю. Перфецкий их, возможно, и не знал?), который обратил внимание на слой южных известий в Лавр. и Радз. А. А. Шахматов полагал, что именно из летописи Переяславля Южного попали в древние протографы Лавр. и Радз. киевские сюжеты. При этом он выделял два этапа использования переяславских источников в северных летопи-

¹⁹ Шахматов А. А. Обозрение... С. 16–17.

²⁰ Приселков М. Д. История русского летописания... С. 117.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 119.

сях. Первоначально, по Шахматову, в своде 1185 г. (который Шахматов считал древнейшим владимирским сводом) использовался переяславский свод 1175 г. Именно из него попала туда, по Шахматову, и «Повесть временных лет». Затем текст свода 1185 г. был пополнен по второй летописи Переяславля Южного, и результат этой работы отразился во владимирском своде начала XIII в. (судя по Радз. и ЛПС). Этим А. А. Шахматов объяснял дублировку во владимирских летописях описаний под 1171 и 1169 гг. похода Михалки Юрьевича на половцев.²³ Оценивая происхождение этих переяславских сводов, Шахматов писал: «Быть может, первая из этих летописей была княжескою, а вторая церковною или же монастырскою».²⁴ Мотивировалось это тем, что в рассказе 1169 г. одним из главных действующих лиц был князь Глеб Юрьевич, отец Владимира Глебовича, с именем которого связывалось происхождение княжеского переяславского летописца.

Перфецкий рассуждал об этих же переяславских известиях следующим образом. В протографе Льв.–Тв. переяславских сюжетов нет, так же как и некоторых суздальских и киевских. Значит, он древнее протографа Лавр.–Радз. Те же переяславские и суздальские известия, которые присутствуют, даны в другой редакции. И эта редакция более древняя, чем протограф Лавр.–Разд., а также Ипатьевской — Хлебниковской.²⁵

Разбирая состав выделенного им свода 1189 г., Перфецкий, так же как и Шахматов, выделял в его составе свод Переяславля Южного, но делал это на основе текстов Тв.–Льв., а не Лавр.–Радз. По мнению Перфецкого, переяславское летописание началось со смерти епископа Лазаря и назначения на его место Сильвестра. Вслед за Шахматовым Перфецкий выделял епископский летописец Переяславля Южного (связанный с епископской кафедрой) и «княжью переяславскую летопись», связанную с князем Владимиром Глебовичем. Анализируя затем, как и Шахматов, статью под 1169 г., он увидел в ней рассказ не о том же событии, что и рассказ под 1171 г. (как это казалось Шахматову), а рассказ о двух разных событиях. В тексте под 1169 г., по Перфецкому, видно соединение двух частей. Первая часть рассказа совпадает с текстом статьи 1171 г. о нападении половцев на киевскую и переяславскую землю. Другая часть написана киевлянином. Обе они были слиты и приурочены к рассказу о нападении половцев только на киевскую землю. В Тв., отразившей, по Перфецкому, текст свода 1189 г., известие под 1171 г. отсутствует. А в статье 1169 г. уже видно слияние киевских и переяславских известий. Именно эти обстоятельства заставляли Перфецкого считать вариант текста в Тв. наиболее ранним. В своде 1193 г., отразившемся в Лавр., был добавлен еще один киевский источник.

²³ Шахматов А. А. Обозрение... С. 53–54.

²⁴ Там же. С. 54.

²⁵ Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды... С. 25.

Если сравнить то, как Перфецкий анализировал переяславские летописные пласты и определял их происхождение, с тем, как это делал некоторое время спустя Приселков, то, несомненно, можно увидеть много общего в самих сюжетах. Возможно задаться, в конце концов, вопросом: а не был ли все-таки известен Приселкову труд Перфецкого? Не вдохновлялся ли он в какой-то степени этим трудом и этими мыслями при написании своих работ о владимирском летописании? Возможно, что некоторые замечания Е. Д. Перфецкого М. Д. Приселков использовал в своем курсе, хотя и не мог на него сослаться. Приселков останавливался, так же как и Шахматов и Перфецкий, на рассказах о нашествии половцев, читающихся под 1169 и 1171 гг. Как и предшественники, он выделял епископский и княжеский летописцы Переяславля Южного, причем последний связывал с именем князя Владимира Глебовича. Отличие заключалось в том, что Шахматов видел в статье 1169 г. отражение летописца Переяславля Южного княжеского,²⁶ а Приселков — летописца епископского.²⁷

Оригинальным сюжетом у Перфецкого, которого нет у Шахматова, явилось, как мы видели, выделение им двух источников (киевского и переяславского) в летописном рассказе 1169 г. о нападении половцев. Здесь, развивая Шахматова, Перфецкий шел по линии большей детализации в анализе летописного известия. Приселков, так же, как и он, видел два источника данных рассказов. Как это вообще для него характерно, новация по сравнению с Шахматовым заключалась в увеличении при анализе того же самого рассказа количества реконструируемых летописцев Переяславля Южного. Если Шахматов и Перфецкий выделяли два, то Приселков писал о переяславском летописце, который использовал сводчик 1177 г., затем о том, который использовал сводчик 1193 г., а кроме того, о следующих переяславских летописцах в сводах 1212 г. и 1228 г.²⁸ Тот переяславский летописец, который использовал сводчик 1212 г., по Приселкову, был продолженным до 1209 г. текстом, использованным до того в своде 1193 г., т. е. княжеской переяславской летописью. А переяславский источник свода 1228 г., по его мнению, был тем же княжеским летописцем, но продолженным уже до 1228 г.²⁹

Отметим те общие детали анализа у Перфецкого и Приселкова, которые не заимствованы ими у Шахматова. Такой деталью является гипотеза о связи епископского летописца Переяславля Южного с именем Сильвестра. Совпадает также и выделение обоими исследователями киевского и переяславского пластов в рассказе 1169 г.

Развивая далее тему переяславского летописания XII в., Перфецкий увидел в составе предполагаемой переяславской летописи, которая оканчивалась, по его мнению, на 1186 г., киевский свод 1174 г. Выделе-

²⁶ Шахматов А. А. Обзорение... С. 54.

²⁷ Приселков М. Д. История русского летописания... С. 110–111.

²⁸ Там же. С. 133 и след.

²⁹ Там же. С. 139.

ние его производилось логическим путем. Перфецкий полагал, что в этом киевском своде находился не только киевский, но и другой летописный материал, в том числе новгородский. Источником киевского свода исследователь полагал и летописные записи 1117–1145 гг. при Андреевском монастыре в Киеве, связанные с родом Мономаховичей. С 1146 г. летописание, по его мнению, перешло в другие руки, хотя и осталось у приверженцев Мономаха. Составитель летописи за 1146–1174 гг. был близок к князю Изяславу Мстиславичу. Последний его рассказ о разорении Киева Ярославом Мстиславичем находился под 1174 г. После 1174 г. в тексте начинался другой летописный материал, уже относящийся к переяславской редакции. Все эти предположения были сделаны лишь на основании внутреннего анализа текста, как, впрочем, это было свойственно делать в ряде случаев и Шахматову, не говоря уже о Приселкове.

По-своему Перфецкий объяснял и тот известный факт, что южные статьи за вторую половину XII в. имеются и в сводах южной, и в сводах северной редакции. Сравнение этого общего материала навело его на мысль, что было две киевские летописи XII в. Одна — свод, доведенный до 1174 г. Ее текст отразился в сводах северной редакции. Другая — переработка свода 1174 г., оканчивавшаяся 1198 г. известием о построении стены вокруг Выдубицкого монастыря, отразилась в летописях группы Ипатьевской.

Киевский свод 1174 г., по Перфецкому, явился продолжением «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). Киевский материал этого продолжения был соединен в нем с новгородским, так как новгородская летопись была одним из источников. Этот киевский свод 1174 г. в составе переяславского свода 1186 г. перешел далее во Владимир, где при церкви Владимирской Божьей Матери соединился с местным материалом и был доведен до 1189 г. Е. Ю. Перфецкий, так же как и А. А. Шахматов, видел в составе владимирского свода 1189 г. (только по Шахматову — это был свод 1185 г.) вставки из суздальской летописи, в том числе связанные с именем Андрея Боголюбского.³⁰ В числе этих вставок он видел и повесть об убиении Андрея Боголюбского.

Этой повести Перфецкий, как и все исследователи владимирского летописания, уделил особое внимание. Сравнив ее текст в северной и южной редакциях, он пришел к выводу о том, что северная редакция (Лавр. и сходные) беднее по содержанию и представляет собой главным образом житийный материал. Другая часть текстов с Повестью отразилась в составе летописей «группы Полихрона» (Тв., Воскр., Сп.). Здесь виден тот же житийный материал, но более богатый фактами. И именно этот вариант Повести, по Перфецкому, был в своде 1189 г. Южная же редакция (Ипат. и сходные), по его мнению, представляла уже третий вариант рассказа о гибели владимирского князя, совмещаю-

³⁰ Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды... С. 46.

щий северный вариант житийного текста с добавлением еще одной житийной повести, следов которой нет в первых двух редакциях. Отдельная тема — то, как видел соотношение этих текстов А. Н. Насонов, специально исследовавший данную повесть.

Представление Перфецкого о первом местном владимирском летописце также перекликалось с тем, что потом писали об этом Приселков и Насонов.

Особое внимание Перфецкий, в отличие от Приселкова, уделял проблеме новгородского летописания XII–XIII вв. Отталкиваясь от наблюдений Шахматова, он внес коррективы в схему последнего. В НИ, по Перфецкому, отразился новгородский свод первой половины XIV в. Источник его общерусских известий — тот же общерусский свод, который лежит в основе других текстов северной редакции (Лавр. и сходные). Местные новгородские известия НИ идут, с одной стороны, из владычного новгородского свода, как полагал Шахматов.³¹ С другой стороны, это фрагменты летописей, которые велись при отдельных церквях и монастырях. Пример — летопись Германа Вояты. Шахматов считал ее копией новгородского владычного свода.

Главным дополнением Перфецкого в отношении новгородских летописей было то, что, по его мнению, в НИ отразились также известия из «княжеской новгородской летописи», восходящей к началу XI в. Таким образом, у Перфецкого картина новгородского летописания оказывалась зеркальным отражением картины летописания Переяславля Южного: сосуществование владычной и княжеской летописей, одна из которых продолжает другую. Новгородская княжеская летопись, по мнению Перфецкого, — это та же княжеская летопись, показания которой попали во владимирский свод 1189 г. Таким образом получалось, что это один из общих протографов НИ и летописей «группы Полихрона». И поскольку Е. Ю. Перфецкий полагал, что Лавр. и сходные, а также Ипат., восходят в определенных своих частях к той же древней основе, что и летописи «группы Полихрона», то он предлагал считать все тождественные новгородские сообщения северных, южных, новгородских летописей и летописей «группы Полихрона» — восходящими к новгородской княжой летописи.³²

Более подробно мысли Перфецкого о княжеской новгородской летописи были развиты им в специальной статье на эту тему.³³ В ней исследователь уточнил некоторые звенья своего построения. Летописи «группы Полихрона», как и сам Полихрон, не были основаны на новго-

³¹ Перфецкий поддержал также мысль Шахматова о том, что автор статей 1136–1137 гг. и автор «Учения, им же ведати человеку числа всех лет» — известный в истории древнерусской культуры иеродиакон Антониева монастыря Кирилл, сочинивший «Вопрошание Кириково». См.: *Перфецкий Е. Ю.* Русские летописные своды... С. 67–69.

³² Там же. С. 67–74.

³³ *Перфецкий Е.* Новгородський княжий літопис і його відношення до українського літописання XII століття // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Львів, 1924. Т. 134–135. С. 1–18.

родской владычной традиции, переданной в Н. Поэтому их текст, главным образом, и привлекался им для реконструкции княжеской линии новгородского летописания. Но и владычная традиция может быть использована для реконструкции княжеской, так как «княжий літопис відбився на владычнім». Значит, княжеская летопись отразилась и во владычной. Следовательно, владычная летопись «користувався (пользовалась. — В. В.) княжим новгородським літописом без посередньо...».

Но новгородская владычная летопись, по мысли Е. Ю. Перфецкого, воспользовалась княжеской летописью иначе, чем владимирская летописная традиция XII в. Следовательно, иначе, чем тексты «группы Полихрона». Во владимирские своды были внесены такие тексты княжеской новгородской летописи, которые не включили в свой свод ни княжеские сводчики, ни его южные источники («українські його джерела»). Только в совокупности тексты северные, южные и тексты «группы Полихрона» могут, по мнению Е. Ю. Перфецкого, помочь реконструировать княжескую летопись.

Реконструкция, предложенная Перфецким, отличается от реконструкции Шахматова своей описательностью. Перфецкий не дал, как это делал Шахматов, текста новгородской княжеской летописи. Он ограничился характеристикой ее содержания и перечислением тех статей реальных летописных текстов, которые он к ней относил. Новгородская княжеская летопись, по его мнению, должна быть датирована 1130–1166 гг. Ее автором предположительно мог быть Кирик, автор знаменитого «Вопрошания».

Возвращаясь к нарисованной Перфецким картине владимирского летописания, следует отметить, что, подобно Шахматову, а впоследствии Приселкову, Перфецкий видел в летописных текстах отражение не только первоначального, наиболее раннего, по его мнению, свода 1189 г. (свода 1185 г. — по Шахматову, свода 1177 г. — по Приселкову), но и последующие этапы летописной работы. Шахматов выделял после него, следующий свод 1193 г., и это было поддержано Приселковым. Перфецкий также выделял свод 1193 г., лежащий в основе северной и южной редакций. Между тем свод 1189 г., по Перфецкому, следует читать в летописях «группы Полихрона».

Сравнение этих гипотетических сводов привело Перфецкого к мысли, что свод 1193 г. использовал свод 1189 г. в качестве своего главного источника. В частности, об этом свидетельствует, по его мнению, повтор и в тексте южного и в тексте северного сводов рассказов о нашествии половцев под 1169 и 1171 гг., о которых было сказано выше. Другими источниками свода 1193 г. был суздальский, переяславский и киевский материалы. Если свод 1189 г., по Перфецкому, лег в основу Владимирского Полихрона и восходящих к нему летописей, то свод 1193 г., с одной стороны, читается в северных текстах Ростовской и Владимирской традиции (Лавр.), а с другой — лег в основу киевского свода 1198 г., отразившегося в соединении с галицко-волинским летописанием в Ипат. 1193 г., таким образом, он оказался критическим мо-

ментом в истории русского летописания, после которого оно разошлось по двум путям — северному и южному. Поэтому своды 1189 и 1193 гг. (по Перфецкому) — «это те два основных свода, те краеугольные линии нашего летописания, на которых покоится поистине величественное здание русского летописания».³⁴

Перфецкий считал, что составитель свода 1193 г. использовал расширенный вариант киевского свода 1174 г., который уже до того использовался составителем свода 1189 г. Из этого источника в своде 1193 г. появились «киевские софийские летописные записи» и дополнительный переяславский материал, которого не знает тот вариант киевского свода 1174 г., который читается в летописях «группы Полихрона».³⁵ Но в том же своде 1193 г., по Перфецкому, читались и суздальские летописные записи. Это — те же суздальские летописные записи, которые использовал и составитель свода 1189 г. И этим объясняется ряд совпадений суздальских известий Лавр. и летописей «группы Полихрона».

Дополнительный южный материал свода 1193 г. — это известия киевского и черниговского происхождения. Там не было еще известий галицко-волынской летописи. Т. е. южные известия были взяты из южнорусского свода еще до того, как в него попали галицко-волыньские летописные материалы, но уже после того, как в него были включены известия новгородского источника, близкого III. Если отбросить этот материал, которого первоначально не было, то, по мысли Е. Ю. Перфецкого, мы получим древний владимирский свод 1193 г. Вслед за А. А. Шахматовым Е. Ю. Перфецкий при этом ссылается на летописную статью 1193 г., имеющую признак окончания текста памятника. На 1193 г. оканчивается тенденциозная владимирская обработка летописного материала.

В то же время под 1189 г. в Лавр. и сходных и в Тв.–Льв. имеется сообщение о смерти епископа Луки, а под 1185 г. — известие о его погребении, записанное явно еще при его жизни. Из этого Е. Ю. Перфецкий делал вывод о том, что древнейший общий источник этих текстов оканчивался на 1188–1189 гг. Напомним, что для А. А. Шахматова главным критерием при выделении свода 1185 г., как и свода 1193 г., было наличие в тексте за этот год особого благочестивого рассуждения, оканчивающегося словом «Аминь».³⁶

Приведем схему владимирского летописания, как она читается у А. А. Шахматова, Е. Ю. Перфецкого и Д. М. Приселкова (графически она была начертана только А. А. Шахматовым, у Е. Ю. Перфецкого она отсутствовала и сконструирована нами по выводам его книги. Что касается М. Д. Приселкова, то этот фрагмент его схемы взят нами из общей схемы летописания по Приселкову, созданной Я. С. Лурье).³⁷

³⁴ Перфецкий Е. Ю. Русские летописные своды... С. 90.

³⁵ Там же. С. 86.

³⁶ Шахматов А. А. Обозрение... С. 12, 53–54.

³⁷ Там же. С. 21 и далее; Приселков М. Д. История русского летописания... С. 22.

Шахматов	Перфецкий	Приселков
Свод 1185 г.	Свод 1189 г.	Свод 1177 г.
Свод 1193 г.	Свод 1193 г.	Свод 1193 г.
Полихрон нач. XIV в.		Свод 1239 г.
		Свод 1281 г.
		Свод 1305 г.

После выхода книги занятий данной проблематикой Перфецкий не прекратил. В статье 1928 г. он вернулся к вопросу о галицкой летописной традиции, которая была ему особенно близка в связи с многолетними занятиями историей Карпатской Руси.³⁸

В данной статье Перфецкий приступил к изложению наблюдений над текстом хроники Яна Длугоша и определению ее места в иерархии русских средневековых текстов. В книге 1922 г. он уже наметил хронику Длугоша как текст, восходящий в русской части к «редакции Полихрона», но эту мысль тогда не развил. Теперь исследователь привлек для сравнения тексты ПВЛ, Начального свода (по НИ) и хроники Яна Длугоша. При этом он исходил из признания итогов исследования древнейших летописных текстов Шахматовым.

Напомним, что, привлекая именно этот набор текстов для взаимного сличения, Перфецкий уже шел вслед за Шахматовым и в этом вопросе. Шахматов считал, что хроника Яна Длугоша (далее — ХД) восходит к каким-то не дошедшим до нас древним летописным русским текстам. И в «Раысканиях» он даже сравнивал ее чтения с чтениями ПВЛ при воссоздании текста о «былинных предках Владимира Святославича».

Перфецкий пошел по пути, намеченному Шахматовым, гораздо дальше. Он задался целью реконструировать тот древний свод, который был использован у Длугоша. В результате сравнительного исследования он пришел к выводу, что это был Перемышльский свод 1100 г., восходящий в своей основной части к Древнейшему киевскому своду в редакции 70-х гг. XI в.

Получилось, что Перфецкий выделил в ХД летопись, восходящую к той же основе, что и ПВЛ, но более раннюю, чем последняя. Причем, по мнению исследователя, ПВЛ знала этот свод 1100 г. и черпала из него свой материал. Таким образом, у Перфецкого реконструировался еще один источник ПВЛ.

Древнейший свод 70-х гг. отразился в Перемышльском своде не прямо, а в сочетании с Начальным сводом (далее — Нсв). Из последнего туда вошел северный летописный материал Древнейшего новгородского свода (существование которого Перфецкий принимал по Шахма-

³⁸ *Перфецкий Е.* Перемышльський літописний кодекс першої редакції в складі хроніки Яна Длугоша // Записки наукового товариства імені Т. Шевченка. Львів, 1928. Т. 149. С. 31–83; У Львові, 1931. Т. 151. С. 19–56.

тову). Еще одним источником свода 1100 г. он полагал тмутараканские и перемышльские летописные записи.

В дополнение к ПВЛ и Нсв Перфецкий сличал текст ХД с текстом новгородских летописей, которые он в книге 1922 г. возводил к «группе Полихрона». Теперь он пришел к выводу, что одним из источников выделенного им тогда новгородского княжеского свода предположительно был этот же перемышльский свод 1100 г.

Перфецкий выделил места ПВЛ, НІ, СІ и НІV, в которых, по его мнению, можно читать остатки перемышльского свода, и детально проанализировал их. Следы перемышльского свода он видел, например, в рассказе о первоначальном расселении полян, в рассказе о призвании и приходе варягов, а также в рассказе об убийстве Аскольда и Дира. Последней статье было уделено особое внимание. Именно после нее текст ХД все больше сходится, по наблюдениям Перфецкого, с Нсв и ПВЛ. При этом он ближе к НІ (т. е. к Нсв), чем к ПВЛ.

Как и НІ, ХД в ряде случаев ничего не знает об Олеге и упоминает только Игоря, который и захватывает Киев у Аскольда и Дира. Здесь Перфецкий, как и прежде, опирается на выводы А. А. Шахматова о первичности текста с Игорем и без Олега (в НІ) по сравнению с текстом ПВЛ. Но Перфецкий предположил восхождение текста и ХД и Начального свода к шахматовскому Древнейшему своду.

ХД не знает слоя известий о киевском Печерском монастыре. По Перфецкому, это следует признать закономерным, так как Печерский летописец — источник этих известий в ПВЛ — сложился лишь к концу 90-х гг. XI в. (Нсв) и был закончен к 1111–1112 гг. (ПВЛ). Е. Ю. Перфецкий видел в основе Перемышльского свода редакцию Древнейшего свода 70-х гг. Никона, которая хотя и была, по Шахматову, создана в Печерском монастыре, но еще не содержала текстов об основании этого монастыря и о Феодосии Печерском.

Идеи и наблюдения, идущие из отмеченной статьи, были затем развиты Перфецким в большой книге, увидевшей свет через четыре года.³⁹ К тому времени Перфецкий считал уже, что Ян Длугош имел в своем распоряжении несколько русских летописей. Одной из них был летописный свод южной редакции, близкий Ипат. Но главным источником являлся свод 1225 г., основанный на тмутараканских, волынских, перемышльских и владими́ро-суздальских составляющих. Это был, таким образом, общерусский свод.

Как видим, Перфецкий пересмотрел свою первоначальную точку зрения о Перемышльском своде как прямом и основном источнике ХД. Теперь он рассматривал перемышльские записи лишь как один из источников свода 1225 г. Тмутараканские известия, которые исследователь первоначально склонен был возводить к Перемышльскому своду, теперь возводились им также к работе сводчика 1225 г. Сравнения это-

³⁹ *Perfeckij E. Historia Polonica Jana Dlugosze a ruske letopisectvi. V Praze, 1932.*

го свода со сводами северной редакции, в частности с Лавр., показывают, по Перфецкому, частичное сходство, но также и различие. Как и в других случаях, эта реконструкция Перфецкого отличалась от реконструкций Шахматова прежде всего описательным характером. Перфецкий так и не дал полной модели текста своего гипотетического свода, как это делал в аналогичных случаях Шахматов.

Книга Е. Ю. Перфецкого была высоко оценена только некоторыми из отечественных историков, прежде всего М. Н. Тихомировым, так как она совпадала с собственными взглядами М. Н. Тихомирова на начало летописания. Причем видно, что интерес к труду Перфецкого у М. Н. Тихомирова возрастал по мере работы над собственным текстом книги о начале русского летописания. В сохранившемся экземпляре второй редакции книги М. Н. Тихомиров сделал лишь небольшое замечание о книге Е. Ю. Перфецкого. В тексте третьей редакции книги Е. Ю. Перфецкому уделено гораздо больше места. По мнению М. Н. Тихомирова, «его исследование вносит очень многое в историю летописания», и «особый интерес имеет суждение Перфецкого о взаимоотношениях между ПВЛ и Перемышльским летописным сводом».⁴⁰ Особенно важным, по мнению М. Н. Тихомирова, были наблюдения Е. Ю. Перфецкого над тем, что текст Длугоша не содержит новгородского материала, что, по мнению Е. Ю. Перфецкого, означает, что лежащий в ее основе киевский свод не был связан с Софийским Временником.

Анализ этой части научного творчества Е. Ю. Перфецкого будет неполон, если мы не коснемся его работ о древне немецких, древнечешских и древнепольских хрониках. Так мы увидим применение метода А. А. Шахматова к иному, чем русские летописи, материалу. Эта серия статей появилась в конце 1920-х—начале 1930-х гг.

Как и А. А. Шахматов, Е. Ю. Перфецкий разматывал запутанный клубок разновременных, но часто совпадающих («буквально совпадающих», по выражению автора) текстов постепенно. И так же, как А. А. Шахматов, Е. Ю. Перфецкий в этой серии статей к одной и той же главной мысли подходил неоднократно и с разных сторон. Сначала он выпустил статью о Сазавском монастыре, где использовал как основной источник Сазавскую хронику, в которой тогда уже увидел отражение древнейшего немецкого летописания — Майнцского свода и еще более древней Фульдской летописи.⁴¹ В последующей работе он поставил задачу восстановления Записок о св. Адальберте. Эти записки выделялись им в составе некоторых чешских и польских хроник. При этом Е. Ю. Перфецкий выделил вошедшие в соединение с Записками известия гипотетического Майнцского свода X в.⁴² А еще через несколько лет появи-

⁴⁰ Архив РАН, ф. 693, № 100, л. 20.

⁴¹ *Perfeky E.* Die deutschen Quellen der Sazaver Chronik // Archiv für Slavische Philologie. Berlin, 1925. Bd 40. V. 1–2.

⁴² *Perfeky E.* Die Opatovizer Annalen // Jahrbücher für die Kultur und Geschichte der Slaven. Breslau, 1927. Bd 3, H. 1.

лась большая статья на русском языке, напечатанная в первом томе «Трудов Института славяноведения».⁴³

В этой работе Е. Ю. Перфецкого, как представляется, его близость к А. А. Шахматову в самих приемах исследования видна особенно хорошо. Вся статья построена на жесткой логической схеме рассуждений и интерпретаций полученного материала сличения текстов хроник. Е. Ю. Перфецкий обнаружил, что некоторые чешские и польские хроники содержат в своей начальной части текстологически совпадающие одинаковые известия. Это известия немецкие, и они совпадают также с некоторыми древнейшими немецкими анналами. Параллели были внесены в таблицу. Е. Ю. Перфецкий делал вывод о том, что «древнейшие чешские, польские и немецкие летописи пользовались одним общим летописным первоисточником, протографом их всех...».

Итак, был обнаружен протограф первого ряда. Были выявлены известия, которые можно возвести к нему. Сходство текстов начиналось на 714 г. и заканчивалось на 973 г. Большинство известий оказалось связанным с майнцским архиепископским двором. Таким образом, реконструировалась Майнцская летопись. Далее уже она подверглась расслоению. Оказалось, что в этой летописи прослеживаются события, связанные с городом Фульдой и Фульдским монастырем. При сравнении этих известий с сохранившимися Фульдскими анналами оказалось, что ряд текстов опять совпадает. Таким образом, было сделано предположение о том, что в составе Майнцкого свода дошла до нас древняя Фульдская летопись.

Так был обнаружен протограф второго ряда. Но он оказался не единственным. Сравнение гипотетической Майнцской летописи с другими немецкими хрониками обнаружило в них общий слой франкских известий. Е. Ю. Перфецкий сделал вывод о том, что Майнцские анналы использовали не только Фульдскую летопись, но и какую-то древнейшую франкскую летопись, кончающуюся смертью Пипина. Поскольку ни один из этих протографов второго ряда не содержал майнцских известий, оставалось предположить, что они были независимы от Майнцской летописи и сами повлияли на нее. «Это влияние первых двух на Майнцскую выражается в том смысле, что, восприняв их, Майнцская летопись превратилась в общий летописный свод, представив собою летописную компиляцию».

Мы видим, что весь ход рассуждений Е. Ю. Перфецкого здесь очень напоминает построение А. А. Шахматова о Начальном и Древнейшем сводах. Только в этом случае у Е. Ю. Перфецкого было больше текстов для сличения, поскольку имелись еще две группы немецких хроник и Фульдские анналы. Это делало построение более четким и последовательным.

⁴³ Перфецкий Е. Ю. Общий источник чешского и польского летописания // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. Л., 1932. Т. 1. С. 207–238.

Далее Е. Ю. Перфецкий стал пытаться расслаивать уже майнцские записи выделенного им свода. Он заподозрил, что был не один, а два майнцских свода. Первый оканчивался 973 г. Но затем путем довольно сложных текстологических построений с привлечением сравнительного материала ряда немецких, чешских и польских хроник Е. Ю. Перфецкий выделил второй, более поздний майнцкий свод, продолженный до 1002 г. В нем материал первого свода 973 г. был дополнен материалом погодной летописи Гершфельдского монастыря и более поздней Фульдской летописи. Именно этот свод и отразился в Сазавской летописи. Так Е. Ю. Перфецкий, описав в своих построениях полный круг, вернулся к тому же выводу, с которого он стартовал статьей 1925 г., но теперь он обосновал его на гораздо более богатом материале.

Хорошо видно, что Е. Ю. Перфецкий, как и А. А. Шахматов, шел в своих текстологических раскопках сверху вниз — от материала позднейшего к выявлению древнейшего ядра текста. В результате была построена схема, которая снимала все противоречия в сложных взаимных отношениях целой группы разновременных текстов. Майнцкий летописный свод он уподоблял ПВЛ,⁴⁴ хотя было бы правильнее, как уже говорилось, сопоставить ее с НСв в схеме Шахматова, поскольку это уже была реконструкция. Правда, определенная параллель существует и с ПВЛ. Как и А. А. Шахматов полагал, что первоначальный текст ПВЛ не дошел до нас, так и Е. Ю. Перфецкий подозревал это о Майнцском своде, особенно о его второй редакции. Фрагменты более полного текста этого свода он видел в некоторых отрывках позднейших немецких аналов.⁴⁵

Итак, Е. Ю. Перфецкий, как и М. Д. Приселков — первые прямые последователи А. А. Шахматова, использующие его метод, но при этом — во многом антагонисты. Они развивали схему своего учителя в разных направлениях и, естественно, пришли к разным выводам, хотя изучали одни и те же сюжеты и у них поразительно совпадали даже детали. Нам неизвестно, были ли последователи у Е. Ю. Перфецкого в изучении русского летописания. В послевоенные годы он продолжал преподавать в Братиславском университете. М. Д. Приселков умер перед самой войной. У него были выдающиеся ученики, которые исследовали летописи: А. Н. Насонов, К. Н. Сербина и Я. С. Лурье.

⁴⁴ «Источники, имевшие решительное влияние на дальнейшее летописание, подобно хронике Бэды, Исидора, Евсевия, русской Повести временных лет и др., которыми пользовался целый ряд летописцев, переходя из рук в руки, от одного составителя к другому, переживая ряд редакций. Часто дополняясь или сокращаясь, в общем иногда не мало теряли из первоначального своего материала, очень часто основные свои черты оставляя в целости <...> К таким летописным источникам, имевшим огромное и исключительное влияние на дальнейшее летописание, в данном случае на летописание свое — немецкое и чужое — чешское и польское, принадлежит и Майнцская летопись: Майнцкий свод обеих редакций. Этот Майнцкий свод обеих редакций дал основной текст целому ряду летописей, что их и сближает». Там же. С. 234.

⁴⁵ Там же. С. 234–235.

SUMMARY

E. J. Perfecky was a follower of A. A. Schakhmatov at the field of the history of Russian Annals. From the beginning of 1920th for 20 years he had been living in Czechoslovakia and been working in Bratislava at Comenius University. During there years his main articles and books about XII–XIII c were published. Later he had been investigating the remains and the impact of Kiev's Annals inside medieval Polish Chronics.

This article is first special one on this theme. The main interest is revealed to the comparison between P. J. Perfecky and A. A. Schakhmatov and especially M. D. Priselkov, whose works about the same theme of post-kievan annals appeared at the same period of 1920th. The materials about E. J. Perfecky from Bratislava's Archives were used.